

ГДЕ ПРОПАДАЛА, ЗАЧЕМ, С ЧЕМ И НАДОЛГО ЛИ ВЕРНУЛАСЬ? (О втором пришествии Православия в Россию)

После долгих злключения и потерь в Россию вернулось Православие. Произошло это, конечно, не сразу и не беспричинно. Наиболее интенсивно возвращение исконной религии русских к своему родному порогу наблюдалось в нулевые годы третьего тысячелетия, которые принято ассоциировать с правлением Владимира Путина. Именно в эти годы отмечается громадный прирост числа верующих, восстановление старых и строительство новых храмов, воскресение монастырской жизни, придание некоторым религиозным праздникам государственного статуса. И хотя Церковь остаётся официально отделённой от государства, праздники Рождества и Воскресения Христова признаны государством. Самым же важным и глубоким, как надо признать, признаком церковного ренессанса в эти годы становится сближение Русской Православной Церкви с властью и её возросшее влияние на светскую жизнь.

Есть в книжном языке слово «востребование». В последнее время, правда, стали говорить «востребованность». Часто оно не звучит, но смысл его понятен любому и каждому даже и при таком редком употреблении. «Востребованность» - та же самая нужность. В социальном плане это многомерная, многоуровневая и динамическая система ценностных установок различных общностей людей, к каковым относятся и отдельные нации. Наравне с языком, главнейшей национальной ценностью, находившей у русских востребованность в разные периоды их истории, считается православная вера. Чем эта востребованность обуславливается и всегда ли в одинаковой степени проявляется?

Согласно расхожему мнению, русские и ассимилированные с ними народы отличаются от других народов своей органической, бессмертной, приверженностью восточной ветви христианства, которое именуется Православием (Orthodox Church). Частные случаи, наблюдаемые в жизни, как некоторые говорят безразмерного народа, можно проигнорировать. В обыденном сознании «русскость» и «православность» понимаются в неразрывном единстве, то есть человек не считается русским, если он вплотную не связан с православной верой. Говорим «русский» - подразумеваем одновременно, что и «православный». Можно и так сказать: Православие занимает прочное место в национальном архетипе русского человека, в его «коллективном бессознательном». Это базисная характеристика нации. Православие является неотъемлемым свойством русской национальной души. На нём строится и славянофильство и вся русская культура. Но так ли это в действительности? Так ли уж велика приверженность русских Православию, что они без него и жить не в состоянии, сразу же теряют себя?

Коснёмся истории. «Вне очереди», обратимся к наиболее яркому историческому примеру, связанному с большевистским переворотом

семнадцатого года. С его насильственным характером соглашаются даже самые упёртые сторонники Октября. Но уж больно легко русские отказываются от своей многовековой веры в угоду идее построения земного рая за счёт собственных сил. Поголовная православность русских чуть ли не моментально сменяется тотальным атеизмом. Фактически в Советском Союзе Православие прекращает своё существование. Лишь отдельные его осколки, которые лишь условно можно называть Христовой церковью, действуют под всё направляющей рукой Коммунистической партии. Деятельность религиозных организаций, не исключая Русскую Православную Церковь, регламентируется и контролируется специальным комитетом при Совете Министров СССР. Непосредственное управление Церковью осуществляется лицами, являющимися креатурами и номенклатурами ЦК КПСС и местных руководящих органов Партии. Церковь существует в условиях тесной зависимости от государственной власти, откровенно заявляющей себя противницей любой религии. Фактически она находится в положении своего рода части государственного аппарата и выполняет не церковные законы, а партийные решения. И это не вызывает ни малейшего протеста среди немногочисленного состава верующих. В докладе Святейшего Патриарха Московского и всея Руси ПИМЕНА на торжественном заседании, посвящённом 60-летию восстановления Московского Патриаршего престола, отмечается с горечью, что «много ...формальных христиан было у нас до падения самодержавия и что после революции в Церкви остались лишь подлинно верные Христу чада». Надо признать ту правду, что использование церковных колоколов «на дело индустриализации» показалось народу рациональнее их изначального предназначения. Повсюду звучали задорные частушки о том, что «бога не знаем, ангелов нету, в книгах узнаем правду про это».

Приведённый пример далеко не единственный, когда государство манипулировало Церковью в своих интересах, и, если Церковь являлась помехой в решении государственных задач, то государство пресекало либо резко ограничивало её религиозную активность. В стремлении оградить свою деятельность по преобразованию Российского государства от влияния Церкви, которое не всегда могло соответствовать его позиции, Пётр I произвёл реформу церковного управления. 1 января 1721 года он учредил так называемую Духовную коллегию, начавшую своё юридическое существование 14 февраля 1721 года под наименованием Святейший Правительствующий Синод, ставший Высшей Церковной властью Русской Православной Церкви. С этой даты распоряжение востребованностью Церкви переходит всецело в руки государства. Когда государству нужно, оно приближает к себе Церковь и использует её в своих целях, когда не нужно – отправляет на задворки государственного устройства. В этих метаморфозах прослеживаются изменения политических курсов и самого государства. Церковь покорно повторяет все государственные зигзаги.

Несмотря на то, что временами Церковь в России подвергалась достаточно жёсткому преследованию и угнетению, наибольшие затруднения

и неудобства она, как ни странно, испытывала в своей биографии тогда, когда в стране, пусть краткосрочно, но, всё же, давали о себе знать демократические процессы, и наблюдалась относительная либерализация режима. Именно в условиях смягчения политики власти, во времена коротких «оттепелей», когда государство в той или иной степени переставало вмешиваться в церковные дела, авторитет Церкви начинал резко падать, а численность верующих – уменьшаться. Видимая парадоксальность такого явления заключается в том, что сама Церковь строится на условиях жёсткой авторитарности внутрицерковных отношений, недопустимости каких-либо отклонений в существующей практике богослужений, «правильном и чётком исполнении Церковного устава». Свобода, которую получали все граждане, проникала и в жизнь Церкви, способствовала демократизации отношений в среде верующих, вызывала стремление к изменению устаревающих форм богослужения, привносила в него элементы гетеродоксии и таким образом разрушающе действовала на весь церковный организм, привыкший существовать на условиях незыблемого единства мнений и закреплённого раз и навсегда порядка. Проблемы бессмертия и нетленных ценностей решались Церковью всегда с учётом предлагаемых подлинной жизнью обстоятельств. Иерархат бдительно следил за тем, чтобы тлетворный дух свободы из светской жизни не проникал в церковную среду, и огораживал себя принятием законов, сохраняющих заведённый порядок, хотя это и ограничивало численность прихожан. Соблюдался принцип, согласно которому уж лучше меньше, но лучше. Кроме того, активность, как человеческое свойство, по сложившимся историческим обстоятельствам, у Русской Православной Церкви не получило своего естественного развития. Она всегда действовала с оглядкой на внешнюю силу – на государство. Разваливалась империя – разваливалась и Церковь.

Российское государство, всегда руководившее Церковью, тем не менее, никогда не вникало в вопросы, касающиеся догматической и обрядовой стороны её деятельности. Здесь принцип «Богу Богово, а кесарю кесарево» соблюдался неукоснительно. За исключением, пожалуй, эпизода так называемых никоновских церковных реформ, проведённых, как сейчас бы выразились, с использованием административного ресурса. Государству было удобнее иметь дело со стабильным и предсказуемым общественным организмом, коим и была Церковь. Так было проще требовать от неё подчинения государственным порядкам. Любое брожение внутри Церкви государству не нравилось и решительно пресекалось с его стороны. Государство имело дело с верхушкой Церкви, представлявшей священноначалие, которое, в свою очередь, было заинтересовано держать в подчинении паству, не допуская в ней разномыслия и споров. Одной верхушке Церкви никогда бы не было под силу поддерживать послушание прихожан, если бы не существовала мощная поддержка государственной власти. И Церковь всегда ориентировалась на сильное государство, в лице которого она могла бы иметь крепкую опору и покровительство. И такая поддержка со стороны государства Церкви всегда обеспечивалась. И в

«долгие тяжкие годы царизма», и при «всенародной» власти большевиков. Это неоспоримый факт всей исторической российской действительности. Разниться могли лишь численные масштабы. Да, в сталинские времена ряды верующих были доведены до долей процента по отношению ко всему населению. Но чем богаты, тому и рады. Фактически для Церкви государство всегда, при любых политических режимах, - и в имперской России, и в Советском Союзе, - было богом. Жизнь Церкви всецело зависела от государства. И оно было много важнее того Бога, которому Церковь служила по изначальному своему определению. Своя рубашка ближе к телу. Трансцендентный Бог находился далеко, а бог-государство существовал рядышком и мог с тобой делать, что угодно. Без государства и свечки Богу не поставишь. Ведь её где-то надо взять. Вот и выходило, что государство сильнее любого бога. А на чьей стороне сила, тому и поклонение.

Иисусом Христом сказано: «Приидите ко Мне все труждающиеся и обременённые, и Я успокою вас». В этих словах, надо думать, содержится основное значение той роли, которую призвана была играть Церковь в людском мире. Церковь, по мысли её создателя, как раз и должна была защищать человека от страданий и обременений, источником которых в первую очередь всегда служила власть. На деле же, по крайней мере в условиях российской действительности, происходит обратное. Находясь в подчинении у государства, Церковь востребуется властью как дополнительный подручный инструмент в делах, связанных с насилием и человеческими страданиями. Существует церковная форма служения Богу в виде различных обрядов, ритуалов, молитв, литургий, отмечания праздников и печальных событий. Она призвана осуществлять связь верующих с Богом, находящимся на Небесах. Но за внешними, видимыми формами существования Церкви скрывается жизнь, суть которой направлена на служение иным богам, первейшим из которых является государство, обеспечивающее бытийность Церкви в земных условиях.

Мера востребованности Церкви со стороны российского государства не константна для всех исторических периодов. Каким она земным и небесным законам подчинялась, постичь сложно, но проследить её колебания и попытаться их объяснить по отношению к каждому временному отрезку вполне допустимо. И для этого совсем не обязательно прибегать к помощи теории бессознательного, чтобы искать какие-то сокровенные, глубинные инстанции психической жизни всей нации. Для понимания характера взаимоотношений государства с Церковью достаточно обратиться к конкретным событиям общественно-политической жизни русских. Как отдельный человек в трудные минуты жизни хватается за соломинку, так и государство в кризисные периоды своего существования сближается с Церковью. Церковь же, в свою очередь, постоянно ищет опоры в государстве. Если смотреть обобщённо, а не с точки зрения отдельных эпизодов, то определяется такая закономерность: государство, всегда

сохраняя Церковь в своём распоряжении, позволяло делать ей то, что оно считало целесообразным и выгодным с государственных позиций.

В целях управления населением государство обращается к различным инструментам. Это зависит от того, какими из них оно располагает и какие, по его усмотрению, в данное время представляются наиболее удобными и эффективными. Церковь может как предоставлять государству прекрасные возможности для взаимодействия с реальностью, так и создавать помехи в реализации своих целей и задач. В зависимости от этого Церковь в восприятии русского человека воспринимается то как государствообразующее начало, а то, наоборот, как паразитический и враждебный элемент, живущий в государственном организме, с которым необходимо бороться. Но бороться не до полного уничтожения, а лишь до определённых пределов, которые полезны государству. Меняется государство – меняется отношение к Церкви. Сама же Церковь постоянно любит государство, каким бы оно ни было. Без государства Церковь не жизнеспособна. Она, как вирус, который может существовать лишь в конкретном организме, в данном случае – государственном. Даже общества её недостаточно. Общество должно быть обязательно организовано в государство – тогда будет иметься питательная среда для Церкви. Любые изменения, происходящие в государстве, она воспринимает как данность, к которой вынуждена приспособляться. Отдельные личные проявления недовольства государственными изменениями в целом к Церкви не относятся. Пока государство сильнее Церкви, Церковь будет подчиняться государству. Не по той причине, что «мною любим тот, кем я любима», а потому, что Церковь не может функционировать без государства. И любому государству Церковь присягает и поёт хвалу. Ею приветствуются даже те ограничения, которые государство вводит по отношению к церковной деятельности. Это называется нормализацией. Патриарх Пимен, к примеру, в качестве такой положительной нормализации видит образование Совета по делам религий при Совете Министров СССР, хотя этот совет нельзя иначе назвать как хомут, без которого ни один самостоятельный шаг Церковь не в состоянии была сделать. Считается, что при Советской власти, особенно на ранних стадиях её существования, Церковь испытывала жестокие гонения со стороны государства. Но тот же Патриарх Пимен чётко заявляет о положительной позиции деятелей Русской Православной Церкви к Советскому государству: «Пребывая под защитой справедливых законов нашей страны, управляемая на началах соборности, Русская Православная Церковь осуществляет свою спасительную миссию в соответствии с церковными канонами и традициями». Вот тебе и на!

Церковь, как социальный ресурс, постоянно находится в резерве у государства и используется им в государственных интересах. Этот ресурс можно регулировать, увеличивая его или сокращая численно, повышая или понижая в смысле авторитетности, с учётом тех задач, которые решаются государством на определённом историческом этапе. Но в любом случае Церковь обязана быть оплотом государства, служить ему. Да и как иначе? В

условиях длительного существования абсолютизма в России Церковь использовалась для освящения царской наследственной власти и оправдания её существования, для единения нации вокруг престола, для безусловной поддержки монархии во всех делах как внутри страны, так и за рубежом. Отдельные попытки Церкви действовать самостоятельно, чтобы «духовное стояло повсюду впереди светского», государство решительно пресекало. Имевшие место при царе Алексее Михайловиче столкновения между светской и церковной властями при его сыне были устранены окончательно и бесповоротно по-государственнически. Вопросы о взаимоотношении Церкви и государства для царя Петра не существовало, так как он считал, что всё в стране должно быть подчинено пользе государства. При нём Церковь официально становится частью государственного аппарата. Упраздняется институт патриаршества, и вся полнота власти - и светской и духовной - концентрируется в руках монарха. Примечательно, что в силу Духовного Регламента во время чина коронации все русские цари вплоть до самой революции возлагали сами на себя корону, тогда как даже в Англии, где король является главой Церкви, его коронует архиепископ.

Со времени правления Петра начиная, Церковь реализует себя строго в бюрократических рамках, как и все другие элементы громадного государственного механизма России. Церковь становится не просто зависимой от государства, а, более того, превращается в его обязательное структурное подразделение. Государство, в соответствии со своими функциями, охраняет Церковь, признаёт и гарантирует обязательность её существования на всех уровнях, вплоть до личного, но категорически лишает её возможностей самостоятельного участия в делах светской жизни. «Моссовет в Москве хозяин». Церковь действует не отдельно, как определено изначально Евангелием (быть «не от мира сего»), а сугубо в границах государственной политики и служит всецело опорой и поддержкой этой политики. Иного не может быть. Церковь – неотчуждаемая часть государства. При таком положении она не может действовать автономно от государства, поскольку это означало бы действовать против самой себя. И, конечно, Церковь себе этого не позволяет. Частные мнения крамольного характера в Церкви нет-нет могли возникать, но к ним государство да и сама Церковь относились, как к проявлениям бунта и неподчинения властям со всеми вытекающими из этого последствиями.

Надо отметить, что те строгости, которые царь Пётр стал вводить по отношению к Церкви (в частности, он считал монашество «скопещем тунеядцев» и пошёл на закрытие многих монастырей), при его последователях не всегда применялись. Отмечены и отступления. Но всегда, при всех наследниках Петра, Церковь находилась в безусловном подчинении у государства и выполняла царскую волю. В Церкви порой появлялись яркие личности, которые оказывали сильное влияние на население и самих монархов, но говорить о том, что они действовали от имени Церкви, не приходится. Такие личности обнаруживались и в других общественных сферах. В целом же, положение Церкви в Российской империи на

протяжении всего самодержавного этапа её существования оставалось неизменно зависимым по отношению к государству. Иногда приходится слышать, будто бы государство заигрывало с Церковью, что никак не соответствует типу существовавших отношений. «Заигрывают» с теми, кто от тебя независим, кто, возможно, даже является твоим противником, от которого что-то хотят получить. С Церковью не было нужды заигрывать, поскольку она находилась целиком и полностью в подчинении у государства. Другое дело, что, действительно, Церковь очень часто имела определённые преференции со стороны государства. Но не в меньшей степени государство поощряло разное чиновничество, армию, полицейский аппарат. И это не значит, что оно с ними заигрывало. Государство, в целях самосохранения, заботилось о своих базовых структурах. Зачем же рубить сук под собой? Перепадало от этих забот и Церкви. Но все – и армия, и чиновничество, и полиция, и Церковь вместе с ними – обязаны были служить в первостепенном порядке государству. Кто не слушался, не подчинялся, того сурово наказывали. Можно сказать, что Церковь по праву получала свою долю пирога, который пёкся в государстве, в том числе и при её участии. Тут нам надо согласиться. Возникает, правда, вопрос о справедливом распределении испечённого пирога, но у государства свои представления о справедливости, которые очень часто не сходятся с представлениями отдельных слоёв населения. Чтобы иметь пирог, кому-то надо пахать, сеять и жать. Православная Церковь оказывала государству неоценимую услугу, освящая и всячески поддерживая легитимность крепостного права, бывшего основой государственной российской экономики. С отменой крепостничества, как можно наблюдать, востребованность Церкви со стороны государства начинает идти на убыль. Тем не менее, она используется государством в своей политике. Следует упомянуть роль Церкви в деле организации и осуществлении начального образования. Но, опять же, широкий размах открытия в России церковно-приходских школ не был следствием собственной оригинальной инициативы Церкви. Это диктовалось новой государственной политикой, основанной на необходимости способствовать развитию в стране прогрессивных экономических форм существования. Церковь и на сей раз оказалась вынужденной выполнять требования государства, вступившего на новый путь исторического развития. Безусловно, это потребовало от неё определённой организационной перестройки и отказа от присущей ей политики обскурантизма. Но при всём этом Церковь неизбежно сохраняет своё важнейшее свойство – быть надёжнейшей служанкой у государства. Это не исключает также и того, что она является неотъемлемым государственным элементом, частицей того государства, в составе которого находится.

Что же меняется во взаимоотношениях Церкви с государством в связи с революцией семнадцатого года и последующими событиями? А по сути дела – ничего. Будучи исторической частью тела российской монархии, Церковь, по мере иссякающих сил этого государства, какое-то время оказывает

сопротивление революции, что вполне объяснимо. Пока побеждаемое государство борется за своё существование, борется в его составе и Церковь. Борется жалко, с оглядкой, борется, пока ещё сохраняется какая-то надежда на удержание прежней власти, пусть уже не монархической, но, всё же, более расположенной к Церкви, чем большевики. Борьба эта не носит жертвенного характера, а скорее, имеет свойства выжидательности. Так же, как Церковь не воспротивилась падению царской короны, так же она и не сумела организовать защиту веры от антирелигиозных действий революционеров. Потеряв государственную поддержку, Церковь оказалась беспомощной в отстаивании даже своих непосредственных интересов.

У нас нет сколько-нибудь серьёзных оснований считать, что Церковь оказала самоотверженную и бескорыстную поддержку монархическому государству, как только оно столкнулось с народными волнениями. Уже в 1905 году, после того как в армии отменили обязательную исповедь и причастие, число прихожан в стане армейских священников сократилось до 5%. А было все 100. Церковь не только клир, но и вся паства. Революция убедительно продемонстрировала отсутствие у народа глубокой и прочной связи с религией, с Церковью, отсутствие благоговейного отношения к этой субстанции. Куда только делись следы этого надуманного «православного архетипа», в согласии с которым Церковь – кристально чистая среда, обитель Святага Духа?! При первой возможности народ отказывается от своей церкви. А без народа силами одного лишь клира отстаивание церковных ценностей, как они сложились при царизме, было бесполезным. Воспеваемая «соборность» русских на деле оказалась мыльным пузырьком. Выяснилось, что на глубинном, психологическом уровне Церковь была не нужна и даже неприятна русскому человеку. Вскоре после Октября ставший большевиком верующий поэт Валерий Брюсов пишет:

Тот, кто выпил полной чашей
Нашей прошлой правды муть, -
Без притворства может к нашей
Новой вольности примкнуть.

И народ, игнорируя свои исконные православные корни, примыкает к «новой вольности». У Исаака Бабеля есть такие строки, которые передают новое отношение людей к бывшим святыням:

«Угодники – бесноватые нагие мужики с истлевшими бёдрами – корчились на ободранных стенах, и рядом с ними была написана российская богородица: худая баба, с раздвинутыми коленями и волочащимися грудями, похожими на две лишние зелёные руки.

Древние иконы окружили беспечное моё сердце холодом мертвенных своих страстей, и я едва спасся от них, от гробовых этих угодников.

Их бог лежал в церкви, застывший и начищенный, как мертвец, уже обмытый в своём доме, но оставленный без погребения»

Можно, конечно, заподозрить автора в национальной нетерпимости к русскому православию. Но повсеместное разрушение храмов выполнялось с превеликим удовольствием простыми русскими мужиками. Евреи – не при

чём. О рвении русских в деле разрушения храмов красочно писал чистокровно русский писатель Василий Макарович Шукшин (Рассказ «Крепкий мужик»).

Победившая революция крушит всё подряд, что хоть как-то может служить старому строю. Одно государство заступает место другого. И как только это становится очевидным, Церковь начинает прилаживаться к новой власти, к её порядкам. Она может существовать только как часть государственного организма со всеми его силами притяжения и отталкивания. Конечно, в ней происходят тактические изменения. В свою очередь, и большевистское государство категорически не отказывается от Церкви и очень быстро берёт её под своё крыло с учётом восстановления в том же победном семнадцатом году института патриаршества. Революция и патриаршество сопутствуют друг другу. Одновременно со страшными бомбардировками Кремля красноармейцами в соседствующем с ним Храме Христа Спасителя после больше чем двухвекового перерыва в торжественной обстановке открывается собор Русской Православной Церкви, решающий вопрос об избрании патриарха. С помощью жребия им становится митрополит московский Тихон. Мужественный и неистовый, он, ещё надеясь на недолговечность большевистской власти, пытается, по мере возможностей, саботировать её предписания. Но в недрах самой Церкви уже наметились коллаборационистские настроения, и ряд иерархов спешат выразить недовольство непримиримостью Святейшего. Тюремное заключение и последовавшая вскоре смерть Тихона прерывают восстановленное патриаршество. Со временем Советская власть поймёт, что патриаршество как нельзя лучше вписывается в принятую модель государственного устройства. Патриархия станет фактически одним из министерств, а патриарх – министром, чья деятельность жёстко контролируется аппаратом ЦК КПСС. Но это ещё впереди. С этим ещё предстоит разобраться.

Церковь начинает жить в принципиально иных социально-политических условиях. Конечно, она уже не совсем та, что существовала в царскую эпоху. Нет того числа верующих, а стало быть, и нет необходимости в наличии того количества храмов, что существовало ранее. Их можно частично разрушить («что зря стоять?»), а частично утилизировать под разнообразные нужды (склады, музеи, дворцы культуры, филармонические площадки, производственные мастерские, конструкторские бюро, зернохранилища, загсы). Несметное количество монастырей «на просторах Родины чудесной» представляется целесообразным свести к двум-трём, а всех упразднённых монахов - направить в народное хозяйство. В случаях же непослушания – в места не столь отдалённые. Церкви приходится расстаться со значительными материальными ценностями, изъятие которых государство мотивировало острой нуждой в закупках за рубежом продовольствия для голодающего населения. За хлеб было нечем платить, в то время как в храмах находилось много золота и других драгоценностей. Почему бы ими не воспользоваться? Церковь принадлежит государству, и всё, чем она богата, является общим

достоянием. Государство всегда действовало по мере появляющихся у него нужд. Переливать колокола в пушки и раньше приходилось. Опыт исторический имелся. Время предъявило новый содержательный спрос. В реальности большевики не изменили схемы отношений государства и Церкви. Содержательные совпадения между большевистской и царской властями очевидны. Многие, естественно, охают и ахают по поводу роковых шагов «совдепии». Но страдали от неё не одни лишь верующие. По словам Анны Ахматовой, было всё «расхищено, продано, предано», а по Герберту Уэллсу, Россия вообще лежала во мгле. Вместе с тем, случившиеся перемены можно понимать и как очищение Церкви – в её лоне остаются только самые верные. Трагедия – это всегда палка о двух концах. Известно, что Богу свойственно испытывать веру людей. Можно вспомнить и евангельские слова о том, что много званых, но мало избранных.

Но, какие бы перемены, социальные и политические, ни случались в России, в ней неизменно сохраняется правило, согласно которому Церковь подчиняется государству в соответствии с имеющейся у него потребностью. В какие-то периоды уровень такой потребности падает очень низко – государство обнаруживает в себе силы обходиться без церковных услуг или, говоря точнее, почти без них. Коммунизм в Советском Союзе строился при очень скромном участии Церкви, по принципу «с паршивой овцы хоть шерсти клок», более того, на фоне всеобщих антирелигиозных кампаний и лозунгов. Существование Церкви рассматривалось коммунистическим режимом как временная уступка малосознательным слоям населения, как своеобразный гуманный акт власти. Подрастало новое поколение людей, и уже все юные октябрята и пионеры должны были служить примерами борьбы с религией. Оставалось чуть-чуть подождать, когда они подрастут, чтобы победа над религиозным «мракобесием» стала полной и окончательной. Иной перспективы и не предусматривалось. Церковь не протестовала. Более того, она постоянно приветствовала и благословляла экономические и культурные достижения страны советов. Число верующих в стране неуклонно сокращалось, и они, естественно, попадали в ряды маргиналов. Но и это не вызывало в Церкви никакого недовольства. Церковь, как служила, так и продолжает традиционно служить государству, несмотря на то, что оно, это обновлённое государство, на весь мир официально и гордо объявляет себя атеистическим.

Сталинская перепись населения 1937 года показала, что более 37% взрослых русских граждан страны всё ещё считают себя православными. Сталину такой высокий показатель показался дефектным, и он отправляет организаторов переписи на расстрел. Заявлять о своей вере в то время было, действительно, опасно. Но вот к 80-м годам прошлого века русские фактически добровольно, без явных государственных угроз, расстаются со своей верой – Православием. Так решило государство, и люди с этим согласились. Какому же человеку понравится, чтобы его называли малосознательным? Церковь сохраняется лишь как пережиток, которому не сегодня завтра уготована судьба полного исчезновения. Генеральный

секретарь ЦК КПСС Никита Хрущёв во всеуслышание заявляет о конкретных сроках смертной кончины любой религии на территории победившего социализма. Если кто и останется в Советском Союзе верующим, то только сумасшедший. Похоже, что всё к этому и идёт. Отсутствие религий рассматривается как свидетельство прогресса, как высочайшее достижение социалистического строя в его соревновании с западной политической системой. С учётом безрелигиозной перспективы составляются программы экономического и социально-культурного развития страны. Значительный период коммунистического существования, начиная с правления Хрущёва, продолжая Брежневым и Андроповым, и даже начальным Горбачёвым, государство активно борется с религиями всею своею колоссальной мощью. Первейшую роль в этой борьбе, конечно, играет искусство, находящееся в абсолютном подчинении у коммунистов. Антирелигиозные мотивы проникают во все существующие жанры. Ношение нательных крестиков приравнивается чуть ли ни к уголовному преступлению. Молодых людей, заявляющих о своей вере, принудительно направляют в психиатрические учреждения. Борьба идёт по всем фронтам. Выходец из фундаменталистской мусульманской среды поэт Расул Гамзатов, и тот вносит свою лепту в эту борьбу. В противном случае не стать лауреатом Ленинской премии и не войти в состав ЦК КПСС.

Я в руки взял Коран, тиснённый строго,

Пред ним склонялись грозные имамы.

Он говорит:

- Нет бога, кроме бога!

Я говорю:

- Нет мамы, кроме мамы!

Говоря о взаимосвязях Церкви и государства в коммунистическую эпоху, нельзя не вспомнить о более раннем периоде, когда Сталин пошёл на смягчение политики по отношению к верующим. Обычно это связывается с государственной необходимостью изыскания дополнительных ресурсов в ходе войны с Германией. Сталин хорошо знал о непримиримости Православия к любому посягательству извне и решил использовать патриотический потенциал веры в государственных интересах. Не без веления «великолепного генералиссимуса», Патриарший Местоблюститель Митрополит Сергей обращается с обращением к духовенству и пастве с Посланием, в котором благословляет их на защиту Отечества. «Молитвы о победе над врагом, самопожертвование на фронтах войны, трудовой героизм в тылу, сбор средств, позволивших построить боевую эскадрилью самолётов имени Александра Невского и танковую колонну имени Дмитрия Донского, организация помощи раненым, посылки подарков бойцам – таковы были деяния чад церковных в годы войны» (из доклада Святейшего Патриарха Пимена на торжественном заседании, посвящённом 60-летию восстановления Московского Патриаршего престола).

В суровую военную годину, опять же с высочайшего соизволения Сталина, Собор архиереев Русской Православной Церкви избирает Патриаршего Местоблюстителя Митрополита Московского и Коломенского Сергия Патриархом Московским и всея Руси. Происходит это не само по себе, по церковному решению. В сентябре 1943 года Сталин приглашает в Кремль трёх высших иерархов православной церкви и объявляет им о восстановлении патриаршества в его исторических и духовных правах. Заметим, не Церковь объявляет, а главный душегуб православного народа. Один из главных современных идеологов русского державничества Станислав Куняев пишет: «Грех разгрома православия, начавшийся со знаменитого ленинского письма 1921 года, был искуплён властью-победительницей, убедившейся, что во время смертельной и «священной» войны церковь стояла на стороне не только народа, но и власти, и потому ей была дана возможность восстать из праха с колен человеком», олицетворявшим абсолютную власть в стране. Формально восстановленный в 1917 году, институт Патриаршества только теперь получает своё зримое воплощение и в личностном, и организационном планах. Конечно, ни о каком подлинном избрании говорить не приходится. Ничего нового не начинается. Советский патриарх – это та же номенклатура ЦК КПСС, как и все остальные руководящие лица государства, скрещение марксизма-ленинизма и языческого христианства. И речи не идёт об автономии Церкви, о предоставлении ей возможностей евангелизации населения, как основного вида церковной деятельности. Атеизм по-прежнему остаётся официальной идеологией внутренней политики советской власти. Но Церковь это вполне устраивает. У Патриархата появляются те же законные права, как и у других бюрократических структур государства. Совпадение Церкви с «безбожной» властью становится более тесным. Всё это происходит в рамках укрепления бюрократической системы управления в условиях личной диктатуры. Кроме того, многие решения объясняются и оправдываются военной необходимостью, находящей полное согласие и на Небесах.

Заканчивается война, и политика власти по отношению к Церкви получает несколько иное содержание. К 80-м годам XX века население страны, по воле Партии и Правительства, становится атеистическим. Не надо понимать, что абсолютно. Кто-то ещё, конечно, посещает немногочисленные храмы, соблюдает кое-какие церковные обряды. Но это всё единичные проявления. Не ими определяется духовное состояние общества. Строительство коммунизма продолжается, хотя и без прежнего энтузиазма, без прежней веры в него. Но надвигания катастрофы не ощущается ни коллективно, ни субъективно. Человек свыкся с коммунистической реальностью и не предвидит скорой её смены. Выстроенная им картина мира ему значима и близка, и он не хочет с ней расставаться. В этой картине ещё нет никакого православного Бога. А пояись, то с ним будет неудобно и некомфортно. Государственная машина работает по-прежнему мощно и не нуждается ни в каких дополнительных идеологических средствах и приводных ремнях. Государственный заказ на Православие отсутствует. Нет

востребования. Нет никакой нужды производить коррекцию созданной картины реальности. Население руководствуется единственно верным учением – марксизмом-ленинизмом. Намечаются лишь едва заметные предпосылки реконструкции мировоззренческих позиций. Церковь хотя и существует, но на маргинальных правах и заметного участия в делах государства не принимает. Можно даже сказать, что соблюдается видимость раздельного, как по Конституции, существования. И даже, когда государство к девяностым годам начинает испытывать серьёзные трудности со своим выживанием, и в дальнейшем, когда его крах становится очевидностью, власть всё ещё не находит смысла обращаться к Церкви за помощью. С одной стороны, очевидна слабость Церковного института, чтобы он мог служить какой-то защитной силой, а с другой, и сама Церковь отчётливо понимает неизбежность смены политического курса и вовсе не намерена поддерживать обречённую на смерть развалину.

При смуте государству не до Церкви. Не до жиру, быть бы живу. Церкви ничего не остаётся, как занять выжидательную позицию и следить за развитием событий. Чья возьмёт? Кому потом присягать на верность? С падением СССР, с дискредитацией коммунистической идеологии на всё ещё необъятных просторах России возникает огромный духовный вакуум. И вроде бы нет никаких препятствий, чтобы его заполнить. Церковь получает желанную свободу. Иди в народ, неси поруганную веру «страждущим и обременённым». Ан нет! В который раз выясняется, что без «руководящей и направляющей» силы государства Церковь ничего не может делать, и её и без того небольшие экзистенциальные возможности начинают резко сокращаться. Именно в этот период в страну устремляется широкий поток иностранных миссионеров. Евангелисты из Америки, Германии, Южной Кореи, Великобритании – чужаки – завладевают массами. Огромный интерес в России вызвала миссия Билли Грэма. На проповеди этого американского священника-баптиста, сопровождаемые массовым покаянием, собирались десятки тысяч людей. Такой наполняемости стадионов давно уже не знали футбольные матчи самых популярных команд. В результате массивной миссионерской деятельности западных клерикалов в России открывается множество протестантских церквей, членами которых, пусть и не надолго, но становятся тысячи и тысячи бывших советских атеистов. Население, благодаря миссионерской деятельности зарубежных протестантов, получает в свои руки Библию, о которой большинство православных верующих не могли и мечтать – ни государство не разрешало её читать, ни послушная ему Церковь. Ведь, читая, можно вычитать не то. Американцы, немцы и корейцы начинают разговаривать с людьми о библейском боге и о том, как с верой в него можно улучшить жизнь человека. Проповедническая деятельность зарубежных церквей одновременно подкрепляется оказанием гуманитарной помощи людям продовольствием, одеждой, медицинскими средствами. Следует непременно отметить, что своя родная Церковь ничего не может противопоставить происходящей экспансии и, впад в очевидный коллапс, демонстрирует

полную организационную и духовную беспомощность. Невразумительную позицию по отношению к новой, постсоветской, власти – ни мира и ни войны – занимает и Патриарх Алексий (Ридигер). Наследие подневольности сказывается с всею очевидностью. Да и у самого народа-богоносца не наблюдается тяги к Православию, не возникает горячей решимости поддержать свою национальную святыню, коей считается Русская Православная Церковь. И хотя государство уже не чинит абсолютно никаких препятствий людям в проявлении их религиозных чувств, они не спешат заполнять уцелевшие при советской власти немногочисленные храмы. Пресловутая православная народная душа себя ни коим образом не проявляет. Никакого роста числа православных верующих не происходит. Более того, наблюдается даже отток верующих из Православия в разные протестантские церкви. Слабость государства этого времени, как нельзя более отчётливо, обозначает и слабости национальной религии.

Отмеченное положение неопределённости отношений государства с Церковью сохраняется до поры до времени. До тех пор, пока у государства не возникает острой потребности в национальной скрепе, способной сплотить население и власть. Имперская формула «мы – советский народ» проявила свою нежизнестойкость. Ей на смену приходят многочисленные национальные идеи, среди которых главенствующую роль играет «русская идея». В качестве базовой ценности этой идеи избирается православие, историческая религия русских. Избирается (обретается) в альтернативу либеральным моделям государственного устройства западного типа. Между государством и Церковью начинают устанавливаться неожиданно тесные и непредвиденные связи. Оба субъекта истории идут навстречу друг другу. И тот и другой активно проявляют нужду во взаимном слиянии.

Пришедший к власти режим Путина, вопреки действующей Конституции Российской Федерации, принимает ряд неординарных и беспрецедентных мер, направленных на кардинальное изменение общественного и государственного статуса Русской Православной Церкви. Совершённый в XX веке ошеломляющий переворот в сознании русских, когда был осуществлён переход от массовой религиозности к массовому атеизму, в ускоренном режиме начинает проявляться обратным процессом.

Надо отметить, что, проявив при президенте Ельцине несвойственные для своего исторического развития слабости, государство, с приходом к власти представителя силовых государственных структур, начинает нащупывать прежние властные вертикали и границы. Становится очевидностью ощущение неуютности государства в рамках принятой в период демократических реформ Конституции и произведённого административно-территориального деления страны.

Пользуясь извечной слабостью и несформированностью общественных институтов в стране, власть, базирующаяся на благополучно выживших структурах госбезопасности, приступает к сворачиванию тех немногих демократических достижений, что получили развитие при президентах Горбачёве и Ельцине. Президентское правление приобретает черты

монархического абсолютизма, безальтернативно закрепляемого за одной личностью. Произведённая на условиях, напоминающих закулисный стговор, временная смена (рокировка) президентов ничего по сути не меняет в режиме личного единовластия. Выборы власти в стране всё больше и больше напоминают сталинскую избирательную систему, согласно которой важно не как голосуют, а как считают. В политическом истеблишменте доминирует одна партия, являющаяся подручной силой президента. Средства масмедиа, прежде всего телевидения, сосредоточиваются в руках государства. Выстраивается властная вертикаль, при которой все губернаторы становятся назначенцами Кремля. Законодательная власть в лице Думы и Законодательного собрания превращается в инструмент исполнительной власти и фактически «штампует» такие законы, которые удовлетворяют интересы правящей верхушки и укрепляют механизм авторитарного управления страной. Сворачивается судебная реформа, и без того лишённые самостоятельности суды ещё в большей степени становятся придатком государственной бюрократической машины. День ото дня сужаются возможности профсоюзных, благотворительных, других общественных организаций. Государство планомерно устанавливает жёсткий контроль политической, экономической и культурной активности граждан, одно за другим накладывает ограничения на использование людьми основных гражданских прав и свобод, записанных в Конституции Российской Федерации.

Любая авторитарная власть держится на безоговорочном послушании масс, и она нуждается в существовании таких фундаментальных показательных институций, которые бы оправдывали необходимость подчинения людей властям. В Советском Союзе эту роль выполняла Коммунистическая партия. В новых исторических условиях миссия сплочения масс возлагается на Церковь. И Церковь не возражает против такой роли, поскольку всегда ходит под своим главным «богом» - государством. Но Церковь в начальном периоде президентства Путина слаба. В том виде, в каком она существовала при советской власти, ей не под силу решать грандиозные задачи по поддержке такого великого и вместе с тем такого неустроенного и расшатанного государства, каким является Россия. И государство, во имя своего спасения, самым решительным образом приступает к укреплению Церкви и повышению авторитета религии среди населения. Благодаря усилиям государства, его материальной и политической поддержке уровень востребованности Церкви резко возрастает.

Если при Ельцине Церковь воспринималась ещё по-советски, просто как одно из общественных объединений, как рядовой субъект гражданского общества, как маломощный хозяйственный субъект, то сразу же в первый год президентства Путина начинается новый этап государственно-церковных отношений, точнее, этап взаимного позиционирования. Начинается процесс привлечения Церкви к власти. Цель вполне прагматичная – использовать её как идеологическую структуру, выполняющую в обществе удерживающую,

воспитательно-нравственную функцию. И тот проект общества, который имеется у Церкви, как выясняется, не противоречит интересам и проектам общественного развития, которых стремится придерживаться и существующее государство. Достижение послушания народа (паствы), как сверхзадача, устраивает обоих. За Церковью в обиходе закрепляется статус одной из ветвей мирской власти. Путинское государство реализует церковный потенциал в качестве отработанного механизма влияния на гражданское общество, устанавливая выгодные власти единые гражданские ценности и нормы (по принципу «делай как все»). Происходит ускоренная реставрация дореволюционной имперской модели взаимоотношений Церкви со светской властью, при которой Церковь была в жизни русского народа самым привычно угнетаемым началом. Церковь пригибала человека и принуждала совершать действия, подтверждающие его лояльность по отношению к государству. Церковь всегда была в альянсе с государством и поддерживала власть. Традиция же власти базировалась на унижении человека и превращении его в послушное орудие. Церковь становится детерминантом господства государства над слабыми общественными институтами. Осуществляется процесс переделки, приспособления испытанной религиозной идеологии к новым политическим реалиям. Церковь провозглашается опорой нового государственного строя.

Государственный протекторат Церкви находит живой отклик у населения и приводит к резкому увеличению числа верующих в стране. В массовом порядке чиновники разных уровней «чудесным образом» и одновременно по долгу службы обретают веру. Взрослые люди спешат пройти обряд крещения. Крещение новорожденных, венчание брачующихся превращается в обыденную необходимость. Экстатическое поклонение мощам и иконам приобретает характер всенародного безумия. Все министры спешат сообщить народу о своей вере. Позже министр культуры во всеуслышание заявит, что возглавляемое им ведомство является «духовно-идеологическим соратником РПЦ» и он ни в коем случае не просит разрешения у церковного священноначалия обращаться к нему за советом и помощью. О своей приверженности Православию во всеуслышание заявляет даже КПРФ, взявшая курс на отстаивание патриотических ценностей в противовес ранее отстаивавшемуся интернационализму. Уже в 2001-ом году, по данным ВЦИОМ, 76% процентов русских считают себя православными. Качество их «православности» вызывает у Церкви определённые сомнения. Но это ни её, ни государство не очень смущает. На вооружение берётся диалектический и одновременно динамичный лозунг «Надо воцерковляться, а там посмотрим!» За количеством придёт и качество. «Пилите, Шура, пилите!»

Следует выделить ряд мер, предпринятых государством в целях повышения авторитета Церкви и активизации её деятельности. Блокируется вскрытие архивов, свидетельствующих о сотрудничестве священников с органами безопасности. Систематизируется и ускоряется передача Церкви материальных ценностей и, в первую очередь, недвижимости. Вводится благоприятная для Церкви налоговая политика в части проведения ею

коммерческой деятельности. Устанавливаются отсрочки от призыва в вооружённые силы молодых служителей Церкви. Прекращается миссионерская деятельность из-за рубежа. С помощью средств массовой информации формируется у населения враждебное отношение к различным культам и верованиям, не связанным с Православием. Узаконивается понятие «каноническая территория», означающее запрет на свободную деятельность крупных религиозных объединений в России. Наиболее крупные православные праздники получают государственный статус. Создаются благоприятные условия для проникновения духовенства в Армию, МВД, образование, здравоохранение, пенитенциарные учреждения. За Церковью закрепляются права по ведению коммерческой деятельности на льготных условиях. Объясняется это необходимостью компенсации тех потерь, что Церковь понесла в период правления большевиков. С этой же целью в народе культивируется либерально-гуманитарное чувство вины перед Церковью. И если при Ельцине декларировались гарантии взаимного невмешательства государства и Церкви в дела друг друга, то при Путине происходит их фактическая ликвидация. Совокупность государственных мер по возрождению Церкви в России приводит к такому результату, который оценивается многими значением слов пасхального песнопения:

*Смертью смерть поправ
и сушим во гробех живот даровав.*

Государство недвусмысленно заявило о своих намерениях иметь в настоящее время сильную и консолидированную с государством религию. И дело не в том, как писал Андрей Белый: «Я верю в небесную судьбу моей родины, моей матери». Нужна национальная идея, выделяющая Россию в качестве особой великой державы. Эта роль отводится Православию – религии номинально христианской, но вместе с тем существенно расходящейся с другими христианскими религиями, принятыми в странах, с которыми Россия традиционно находится в состоянии политической конфронтации. С учётом выполнения этой важной политической задачи формируется в глазах как собственного населения, так и мирового сообщества образ глубоко верующего российского президента. Демонстративность выражения своих религиозных чувств первым государственным лицом призвана подчеркнуть главные черты политического устройства государства, ориентированного на сильную единоличную власть, освящённую Богом. Последовательно под такой тип власти выстраивается структура церковной администрации, которая наследственно представляет собой рудимент советского государственного устройства. Мирская и духовная ветви власти с минимальными различиями конгломерируются в единый государственный организм. Церковь в очередной раз проявляет свою заинтересованность в сильной единоначальной власти, подтверждая мысль видного христианского идеолога П.С.Суворова о «невозможности существования Православия без самодержца-отца». В меру своих возможностей и при откровенной стимуляции со стороны государственной власти Церковь способствует

созданию в лице Владимира Путина образа идеального правителя Земли Русской, несгибаемого патриота, безальтернативного лидера нации, наследника величия Дмитрия Донского, Александра Невского, Ивана Грозного, Петра I.

В ответ на беспрекословное подчинение и благословение проводимой политики власть позволяет Церкви накапливать огромные материальные богатства и наращивать своё влияние на массы. Пользуясь щедрыми государственными пожертвованиями и налоговыми льготами, Церковь расширяет своё присутствие в образовании и силовых структурах, тех социальных структурах, где осуществляется основное воспитательное воздействие на население. Церковь приобретает большие преимущества для выражения своей точки зрения в государственных средствах массовой информации, хотя и надо отметить, что взгляды духовенства, допускаемого на телевидение, мало чем отличаются от взглядов первых лиц государства. Некоторая радикальность высказываний высокопоставленных иерархов лишь служит на руку власти. Можно согласиться с мнением отдельных аналитиков, отмечающих, что церковные руководители напоминают кремлёвских марионеток, а сама Церковь превратилась в «кремлёвское министерство спасения». Интегрируясь с государством и ориентируясь на его безоговорочную политику во внутренних и внешних делах, Церковь идёт на нарушение основных христианских законов и заповедей, не усматривая в этом никаких противоречий. Церковная поддержка Кремля во всех его делах стала настолько раболопной, что священники начали освящать ракеты с ядерными зарядами, называя их «ангелами-хранителями» России. Называя два срока президентского правления Путина «божьим чудом» и выступая за его переизбрание на третий срок, Патриарх Кирилл, вместе с тем, занял красноречивую позицию невмешательства по отношению к судебному преследованию панк-группы девушек, помолвившихся в Храме Христа Спасителя со словами «Богородица, прогони Путина!». Церковь фактически проигнорировала оскорбительный жест одного из популярных телеканалов, присудивших патриарху премию «Серебряная калоша» за попытку скрыть наличие на его руке дорогих часов, но вступилась за первое государственное лицо, каким является президент страны. И этим она ещё раз продемонстрировала свою прямую зависимость от мирской власти.

Согласно наиболее распространённой точке зрения, существуют три субъекта истории: государство (власть), общество и религия. История знает такие периоды своего развития, когда один из субъектов «разбухал» и выступал с намерением либо полностью уничтожить, либо как-то заново сконструировать одну или две другие субъектности. Россия на протяжении своей длительной и изменчивой истории характеризовалась превосходящей силой государства над другими институтами, обеспечивающими национальное существование. Исторически так сложилось, что государство выбирало религию для общества, и государство регулировало деятельность религии на своей территории в соответствии с государственными интересами. Этим в наибольшей степени объясняется непрочность религии в

сознании населения. Религия у русских не является их личным или коллективным выбором, а определяется временным отношением государства к религиозным институтам. Религиозность русских носит, в основном, установочный характер и зависит от того, в какой мере Церковь оказывается востребованной государством. Человек стремится быть адекватным по отношению к действительности. В российских же социально-культурных условиях картина действительности определялась исторически государством. Из этого следует, что адекватность поведения человека рассматривается с точки зрения его отношения к государственной политике. По этой причине все диссиденты и оппозиционеры воспринимаются в народе главным образом как неадекватные люди, если не сказать как психически ненормальные личности. Но адекватность не абсолютная категория, а относительная. Адекватность понимания определяется теми границами и нормами, которые устанавливает государство с помощью создаваемых им социальных институтов. Согласно установленным госстандартам, сегодня православный бог существует в реальной картине мира, а завтра (если это понадобится государству) – пропадает. Сегодня быть атеистом в порядке вещей, а завтра – это становится, по меньшей мере, удивительным, если не преступным. Человек, находясь в состоянии перманентного подчинения государству, оказывается, в целях самосохранения, вынужденным принимать то одну картину действительности, то – другую. Выпадение же человека из тоталитарных рамок адресуется к категории неадекватных личностей. Русские люди – это, прежде всего, государственные люди, и, чтобы быть адекватными, они обязаны следовать курсом государства. Сегодня государство выбрало для своей фундаментальной опоры Православие. Поэтому все граждане должны подчиняться православным порядкам и правилам. Главное же правило Православной Церкви – служить государству. Образуется замкнутый круг, выход из которого видится в обеспечении демократических свобод и прав, закрепляющих за человеком возможность свободного выбора той или иной мировоззренческой позиции.

Наблюдается такая зависимость, при которой, чем слабее государство, тем в большей степени оно нуждается в церковной поддержке. Путинский режим единоначалия и имперской «вертикали власти», в условиях нарастающих общественных движений, оказался вынужденным прибегнуть к испытанному средству упрочения и освящения власти. Церковь понадобилась режиму для подавления демократических настроений в обществе. Построенная сама на принципах строгой иерархии, Церковь служит наглядным примером для конструирования и мирской власти. Одновременно Церковь культивирует в обществе принципы послушания начальникам, терпимого отношения к существующим проявлениям беззакония со стороны чиновничества, оправдания любых преступлений совершаемых сильными мира сего.

Огосударствление Церкви, искусственная гипертрофия её роли в обществе, организованные и осуществлённые кремлёвской властью в целях обеспечения в стране равновесия и стабильности, уже начинают

оборачиваться нежелательным дополнительным недовольством в массах. Своей откровенной и, если не сказать циничной, политикой служения государству и мирским целям (превращение в огромную корпорацию со своей собственностью, со своими хозяйственными и финансовыми интересами, эксплуатация церковных святынь в целях наживы) Церковь вызывает в народе с тенденцией нарастания реакцию раздражения и неприязни, подливая масла и в без того пожароопасную общественную ситуацию стране. И если предположить, что Церковь обладает миротворческим потенциалом, то применить его, в условиях полного подчинения власти, она вряд ли захочет и сумеет при возникновении серьёзных инцидентов, как этого не случилось ни во время революции, ни в последующие критические события российской истории. Миротворчество возможно только при условии самостоятельности Церкви и её высокого авторитета у населения. А авторитет Церкви как раз всё больше и больше подрывается её магистральной линией на безоговорочную поддержку власти и собственным рьяным служением золотому тельцу. Верующие видят, что Церковью нарушается основополагающий христианский принцип, заключающийся в евангельских словах: «Не можете служить Богу и маммоне». Этого народ и раньше Церкви не прощал и сегодня не простит, как бы государство ни прикрывало своего идеологического союзника.

Россия считается светским государством. Так определено Конституцией Российской Федерации. Это де-юре. Де-факто же мы видим, что происходит усиленная клерикализация страны. Определены так называемые канонические территории. На практике это означает, что где-то господствует православие, где-то – ислам, а где-то – буддизм. И везде духовенство, где напрямую, а где косвенно допущено к власти и от лица своих религиозных организаций играет важную роль в экономической и культурной политике как всего государства, так и его отдельных регионов. Понятно, что религиозные деятели отстаивают интересы тех социальных групп, которые их делегировали во власть. Особенно это наглядно видно на примере республик Северного Кавказа, где, в противовес светским законам, начинают применяться правила шариата. Такое положение, когда в главном государственном законе записано одно, а на деле повсеместно осуществляется другое, не может быть долговечным. Такая амбивалентность ведёт неминуемо к разрушению государства. Со временем уровень противоречий в отношениях государства, общества и религиозных структур может достичь критической взрывной массы. Следует использовать многовековой опыт западных стран, где отделённые от государства церкви, не вмешиваясь напрямую в дела светской власти, долгое время являются одними из надёжнейших факторов сохранения мира. И даже тогда, когда католическая церковь в Польше заняла сторону «Солидарности» в противостоянии с коммунистическим режимом, то это не вылилось в кровопролития, а, напротив, способствовало мирной смене власти на легитимных основаниях. В то же время, польская католическая конгрегация никогда не заявляла и не заявляет сегодня о своих властных претензиях. Её

независимость от государства оказывает положительное влияние на состояние польского общества. Нечто подобное случилось и в Литве, когда та же католическая церковь поддержала общественно-политическую организацию «Саюдис», сыгравшую важнейшую роль в процессах отделения прибалтийских республик от Москвы.

Российская ситуация носит совершенно другой характер. Если в Польше и Литве церковь солидаризировалась с общественным большинством и потому способствовала сравнительно безболезненной смене государственности, то ориентация Русской Православной Церкви на безоговорочную поддержку власти служит дополнительным фактором нарастания напряжённости в отношениях государства с гражданским обществом. Полная зависимость Церкви от государства не позволяет ей благотворно влиять на общественные процессы. И, как это уже не раз случалось в российской истории, гнев народа на власть может в первую очередь обрушиться на саму Церковь и её организационные структуры. И если сегодня Церковь в какой-то мере любима в народе, завтра она станет ему ненавистной. Такова участь всех искусственно раздуваемых социальных систем. Появляясь под воздействием временных обстоятельств, с изменением этих обстоятельств, они или рассыпаются в прах, или качественно меняются.

Одним из неперемennых условий демократизации России, а именно в этом видится её вхождение в число цивилизованных государств, а по более глубокому смыслу и сохранение в качестве самостоятельного субъекта истории, является отделение Церкви от государства. Отделение не как конституционная декларация, существующая в угоду неким либеральным установкам, а отделение фактическое, когда государство осуществляет функции защиты Церкви, как одного из социальных институтов, даёт гарантии невмешательства в её дела, но одновременно с этим, не поддерживает Церковь материально и не распоряжается ею в целях достижения тех или иных государственных задач. Церковь, в евангельском понимании, есть собрание верующих людей. И эти люди сами вправе регулировать свою религиозную жизнь, не нанося, при этом, вреда обществу, распространяя свою веру насильственными методами и прибегая к услугам государства для её утверждения. Масштаб развития той или иной религии в государстве зависит не от государственной политики по отношению к ней, а от того, насколько эта религия укоренена среди населения. Все материальные расходы по поддержанию того или иного культа должно нести не государство, а сами верующие. Так происходит в странах с развитой демократией. В России же сегодняшние взаимоотношения Церкви и государства контрпродуктивны для обеих сторон. Ни содержательно, ни формально они не соответствуют существующим демократическим нормам и отрицательно сказываются на общественном климате, тормозя развитие демократии в стране, порождая массу негативных чувств и настроений среди населения. Церковь – общественный институт в ряду множества других социальных объединений и течений. И она не должна выходить за

конституционные рамки действия этих институтов. Если какой-то крупный субъект исторического развития системно нарушает основной государственный документ, каким является конституция, то это неминуемо ведёт к разрушению государства. Это в одинаковой мере касается и самого государства, и общества, и Церкви.

Владимир Рослов, психолог